

СИМВОЛ

РОССИИ

ОЛЕГ КУДЕНКО

СССР

ОРБИТА ЖИЗНИ

СУДЬБА И ПОДВИГ
ЮРИЯ ГАГАРИНА

Символ России

Олег Куденко

**Орбита жизни. Судьба и
подвиг Юрия Гагарина**

«Алисторус»

2024

УДК 82-94
ББК 83.0

Куденко О. И.

Орбита жизни. Судьба и подвиг Юрия Гагарина / О. И. Куденко —
«Алисторус», 2024 — (Символ России)

ISBN 978-5-00222-647-4

«У меня отец - крестьянин, ну, а я - крестьянский сын», - эти строки из известного стихотворения Сергея Есенина в полной мере относятся к Юрию Гагарину. Его судьба была неразрывно связана с судьбой России: выходец из многолетней крестьянской семьи, он пережил фашистскую оккупацию в Великую Отечественную войну, голодные послевоенные годы, работал на заводе, учился, а затем, как многие юноши его поколения, пришел в авиацию. Далее была школа космонавтов и легендарный полет на околоземной орбите, сделавший Юрия Гагарина известным всей Земле. Автор данной книги Олег Куденко лично знал Юрия Гагарина; собирая материал для нее, О. Куденко побывал в местах, связанных с судьбой его героя, встречался со многими людьми, прошел основные космические тренировки. В книге много фактов и подробностей, почерпнутых из личного архива Юрия Гагарина, из рассказов его родных, близких и друзей. В формате PDF А4 сохранён издательский дизайн.

УДК 82-94

ББК 83.0

ISBN 978-5-00222-647-4

© Куденко О. И., 2024

© Алисторус, 2024

Содержание

Сообщение ТАСС	6
Семья, в которой он родился	7
Страшное слово «война»	11
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Олег Куденко
Орбита жизни. Судьба и
подвиг Юрия Гагарина

© Куденко О. И., правообладатели

© ООО «Издательство Родина», 2024

Сообщение ТАСС

...В эфире раздаётся подрагивающий от волнения, широкий и торжественный голос Юрия Левитана:

– Говорит Москва! Говорит Москва! Работают все радиостанции Советского Союза! Передаём сообщение ТАСС! «О первом в мире полёте человека в космическое пространство.

12 апреля 1961 г. в Советском Союзе выведен на орбиту вокруг Земли первый в мире космический корабль-спутник „Восток“ с человеком на борту.

Пилотом космонавтом космического корабля-спутника „Восток“ является гражданин Союза Советских Социалистических Республик лётчик майор Гагарин Юрий Алексеевич.

Старт космической многоступенчатой ракеты прошёл успешно, и после набора первой космической скорости и отделения от последней ступени ракеты-носителя корабль-спутник начал свободный полёт по орбите вокруг Земли.

По предварительным данным, период обращения корабля-спутника вокруг Земли составляет 89,1 минуты; минимальное удаление от поверхности Земли (в перигее) равно 175 километрам, а максимальное расстояние (в апогее) составляет 302 километра; угол наклона плоскости орбиты к экватору 65 градусов 4 минуты.

Вес космического корабля-спутника с пилотом космонавтом составляет 4725 килограммов, без учёта веса конечной ступени ракеты-носителя.

С космонавтом товарищем Гагариным установлена и поддерживается двухсторонняя радиосвязь. Частоты бортовых коротковолновых передатчиков составляют 9,019 мегагерца и 20,006 мегагерца, а в диапазоне ультракоротких волн 143,625 мегагерца. С помощью радиотелеметрической и телевизионной систем производится наблюдение за состоянием космонавта в полёте.

Период выведения корабля-спутника „Восток“ на орбиту космонавт товарищ Гагарин перенёс удовлетворительно и в настоящее время чувствует себя хорошо. Системы, обеспечивающие необходимые жизненные условия в кабине корабля-спутника, функционируют нормально.

Полёт корабля-спутника „Восток“ с пилотом космонавтом товарищем Гагариным на орбите продолжается...»

Семья, в которой он родился

Кто же он, этот человек, которому первым из трех миллиардов жителей Земли довелось подняться в космос? Теперь весь мир знает подробности его биографии, знает, что он родился 9 марта 1934 г. в селе Клушино Гжатского района Смоленской области.

Родословная Юрия Алексеевича Гагарина до удивления типична. Многие в его судьбе могут узнать свою.

Семья, в которой он родился, – самая что ни на есть обычная, рядовая, крестьянская. Отец космонавта – Алексей Иванович Гагарин – смутно помнит свое детство, прошедшее в старом исконном русском краю, на Смоленщине. Один надел земли – две сажени на всю семью. А семья – большая. Шестеро братьев и сестра. С шести лет он в подпасках, в шестнадцать лет начал плотничать. Так и жил до тех пор, пока не встал на ноги...

Не легче складывалась судьба и у матери Юрия – Анны Тимофеевны Матвеевой. Ее отец – Тимофей Матвеевич – десятилетним мальчонкой попал с той же Смоленщины в Петербург. Каким только делом не пришлось ему там заниматься, зарабатывая на жизнь! Он расчесывал щетину для кресел, разносил товары, был мальчиком на побегушках. Тимофею было шестнадцать лет, когда старший брат Ефим определил его на гвоздильный завод, а в 1892 г. попал Тимошка на Путиловский, сперва в паровозо-механическую, а позже в шрапнельную мастерскую.

Здесь, на Путиловском, в 1905 г. Тимофей Матвеев участвовал в революции. Он едва уцелел 9 января, когда царь расстрелял путиловцев у Нарвских ворот...

Тимофей Матвеевич Матвеев (дед Ю. А. Гагарина) со своей женой Анной Егоровной и детьми. Во втором ряду (слева направо): Николай, Сергей, Анна (будущая мать Гагарина, стоит с цветком), Мария; в первом ряду – Ольга

Через девять лет Тимофей Матвеевич получил на производстве тяжелое увечье. Подлечившись, он смог работать только сторожем.

Тяжело жилось многодетной семье. Сергею Матвееву, сыну Тимофея Матвеевича, было всего лишь пятнадцать, когда он тоже пошел по стопам отца. Сперва он – мальчик проходной конторы на заводе, а с 1915 г. – ученик токаря турбинной мастерской. Ровно год проработал

Сергей в турбинной мастерской: 1 марта 1916 г. его уволили за участие в забастовке. Через неделю ему удастся устроиться на верфь, но 31 октября Сергея увольняют и отсюда. В его учетной карточке появляется пометка: «Приему не подлежит: забастовка октябрьская».

Увольнению Сергея предшествовал обыск у Матвеевых.

В архивах жандармского управления сохранились документы, скупо повествующие об этом событии. В ночь с 27 на 28 октября 1916 г. трое жандармов и дворник ворвались в квартиру № 3 дома 12 по Богомоловской улице, где ютились Матвеевы и их земляк Дмитрий Кузьмич Зернов. Перерыли весь дом, распороли подушки, скинули с этажерки книги, вытащили из-под больного Тимофея Матвеевича матрац, вытряхнули из матраца солому, шуровали в печке, простукивали стены...

Ничего предосудительного они не обнаружили. И не удивительно: Сергей, предчувствовавший угрозу обыска, буквально накануне надежно спрятал запрещенную литературу. Подпольные брошюры и листовки были упакованы в железные, обложенные изнутри войлоком коробки и скрыты под металлической обшивкой печки. Сестра Аня вместе с младшим братишкой помогала Сергею. Однако отсутствие улик не спасло их соседа. Назавтра Дмитрий Зернов был схвачен полицией и отправлен по этапу в Иркутск... Матвеевых чудом миновала такая же участь.

В годы революции и гражданской войны Сергей Тимофеевич сражался на фронте. Умер он от тифа. Тимофей Матвеевич тяжело болел. Известие о гибели сына совсем подкосило его. В 1918 г. семья принимает решение уехать из Питера на родину – в деревню Шахматово Гжатского уезда Смоленской губернии.

Анне Тимофеевне, теперь старшей из детей, пришлось принять на свои плечи все заботы по хозяйству: отец по-прежнему недужил, а мать еле управлялась в доме.

В двадцать втором году вся семья переболела тифом. А год спустя жизнь взяла свое: полюбила Аня Матвеева молодого плотника Алексея Гагарина из соседнего села Клушино. Нельзя сказать, чтобы статным был он, однако и душевный и хозяйственный парень. «Золотые руки у Гагарина», – так говорили о нем на селе. И слесарить умел, и пахать, и печку сложит, и дом срубит... Говорил он не красно, да работать умел. Словом, сыграли свадьбу, и переехала Анна к Алексею.

Анна Тимофеевна работала и дояркой, и свинаркой, и телятницей, и в полеводстве, – любая работа была ей с руки; что нужно было, то и делала. Тем временем в семье подрастали ребятишки.

Так Алексей Иванович и Анна Тимофеевна проходили трудные жизненные университеты. У отца два класса церковноприходской школы и многие годы крестьянской жизни. Они-то и выковали его характер. Волевой, скромный, трудолюбивый и сердечный человек, Алексей Иванович и детям своим старался привить эти качества. А детей в семье было четверо: старший сын Валентин, дочь Зоя и еще двое сынишек помладше – Юрий и Борис.

Дом Гагариных стоял на самой околице села, у шоссе, ведущего на Гжатск. Летом за садом зеленели луга – пестрое море пахучих цветов. Хорошо бегать босиком по росистой траве, интересно играть в лапту, в прятки, в казаки-разбойники, в мяч! Хорошо ловить раков на речке или молча лежать на спине среди ромашек и колокольчиков и смотреть в высокое голубое небо, которое с отчаянным писком разрезают стрижи...

В детстве у Юры было много друзей. И среди ребятишек и среди взрослых. Особенно дети любили дядю Пашу, брата отца. Нравилось Юрию, когда дядя Паша оставался у них ночевать. Тогда мама разрешала Вале и Юре спать на сеновале вместе с дядей Пашей.

О чем только не говорили они длинными летними вечерами!

Ароматно пахло свежее сено, с лугов тянуло прохладой, в сиреневой сумеречной дымке медленно скрывался алый солнечный диск... А дядя Паша рассказывал ребятам о разных интересных вещах. И про диких животных, и про охоту, и про дальние страны. Как то ясной

звездной ночью зашел разговор о других планетах... Дядя Паша сказал ребятам, что таких солнц, как наше, должно быть, много и что где-то далеко-далеко, возможно, есть и другие планеты, похожие на Землю.

Страшное слово «война»

Летом 1941 г. Алексея Ивановича свалил неведомо где подхваченный тиф. Долгие недели пролежал он в больнице. Юрий скучал без отца. А едва отец вернулся, бледный, ослабевший после сыпняка, – в жизнь страны ворвалось страшное слово «война».

В воскресенье, 22 июня, отец приковылял домой из сельсовета на редкость встревоженный (хромал он еще с финской), с порога крикнул:

– Началась война с Германией!

Малыши только по играм да по фильмам знали, что такое война, но тут сразу поняли, что произошло что-то серьезное.

А вскоре они собственными глазами увидели войну. Это было в сентябрьские дни, когда Юра впервые переступил порог школы. Фашисты уже прорвались к Вязьме. Где-то совсем близко шли бои. Порою доносились приглушенные отзвуки канонады. Ребятам было не до учебы: все только и говорили что о боях, которые гремели почти рядом.

Весь сентябрь и октябрь шли дожди. Только изредка, пробивая низкие, тревожно нависшие облака, показывалось солнце. Приближение осени чувствовалось во всем: пожелтели листья придорожных тополей, выцвела, побурела трава, высокое небо словно выгорело и стало холодно белым. В небе то и дело вспыхивали воздушные бои. Ребятишки с интересом наблюдали за ними.

А через Клушино днем и ночью подгоняемые приближающейся канонадой шли беженцы. Надрывно мычали давно не доенные коровы, блеяли овцы. Злые пастухи в изорванной одежде, в пыльных, стоптанных сапогах часто останавливались у дома Гагариных и просили напиток. Беженцы толкали перед собою повозки и детские коляски с нехитрым скарбом. Босые, закутанные в многочисленные одежды, детишки хмуро тянулись за повозками, их замурзанные лица не выражали ничего, кроме усталости.

Порою на восток проносились запыленные санитарные автомобили с красными крестами в белых кругах, потрепанные штабные «эмки», проходили колонны красноармейцев. На худощавых нахмуренных лицах был отпечаток боли и злости.

Навстречу им – на запад шли другие части. Порою по ночам гремели танки и тягачи с полевыми орудиями.

Но больше шли на восток: армия отступала.

Юрий не сразу понял смысл всего происходящего. Взрослые говорили мало. Как-то дядя Паша заговорил об эвакуации. Юрий спросил, что это за слово.

– Уезжать, значит, надо. Стадо колхозное угонять, чтобы не досталось врагу. Вот завтра утром и погоним...

– И ты уходишь? – недоверчиво спросил Юрий.

– Надо и мне, за скотиной присмотр нужен, чтобы падежа не было. Погоним в Ивановскую область.

В этот вечер Юрий еще раз ощутил всю серьезность положения. Война впервые отнимала у него близкого человека.

А ночью до Клушина особенно отчетливо доносились перебаты артиллерийской дуэли. Где-то совсем близко, может в Федюкове, трепетало багровое зарево пожаров. Порою воздух разрывали сухие пулеметные очереди.

По большаку плотно шли колонны солдат в измятых и перепачканных глиной шинелях. Многие из красноармейцев были ранены. Бинты – в крови и глине.

Рано утром Анна Тимофеевна погнала в Гжатск колхозных свиней. По пути встретила соседей. Те ей сказали, что в городе фашистские войска.

Когда стало темнеть и начал накрапывать мелкий, промозглый дождик, отец вошел на террасу и тихо сказал матери:

– Собирай, Нюра, добро, надо трогаться и нам.

– Куда же мы на ночь глядя пойдем с детишками-то? Может, не сделают они нам ничего?

– «Не сделают...» Слыхала, Минск разбомбили?.. А там поди тоже мирные жители были.

Гитлер, он никого не щадит. Одно слово – фашист, ирод!..

Мать торопливо уложила детей спать и начала собираться.

А утром короткий, беспокойный сон неожиданно оборвали дальние автоматные очереди. Вслед за этим на околицу бесшумно въехали вражеские велосипедисты. А за ними в Клушино ворвался отряд мотоциклистов и автомашины с солдатами.

Солдаты выстроились посреди села, и высокий офицер что-то долго и отрывисто им кричал. Потом строй распался, и солдаты группами по три четыре человека двинулись по улице. То в одном конце села, то в другом сухо, словно рвали парусину, трещали выстрелы: опасаясь засады, фашисты стреляли в темные сараи и подвалы. Если попадалась курица, то ее тоже настигала очередь из автомата.

Ребята спрятались в саду, Юрий смотрел на улицу и время от времени докладывал брату, что там происходит. Все было необычно. Небольшой отряд шел по улице. Ребята впервые так близко видели живых врагов. В тонких мундирах зеленовато мышинного цвета, враги были мало похожи на тех белогвардейцев, которых показывали в кино. Загорелые, с закатанными рукавами, с автоматами на груди и пистолетами на животе, они громко переговаривались и проходили мимо, покуривая сигареты или насвистывая веселые песенки. Один наигрывал на маленькой губной гармошке. Юрий впервые видел такую. Но вот офицер что-то скомандовал, и от отряда отделились трое.

– К нам свернули. Идут сюда, – доложил Юрий.

Не успел он отбежать, как жалобно скрипнула и отлетела калитка, а через секунду тяжелые сапоги застучали по ступенькам крыльца. Юрию из-за кустов смородины было видно, как один из фашистов первым поднялся на крыльцо, за ним пошли два других. Затем он услышал сквозь приоткрытую дверь, как солдат что-то говорит отцу. Валентин подошел к самому крыльцу, а потом сказал:

– Говорит, жить здесь будут солдаты. Велел дом освободить.

Но вот Валентин отпрянул от крыльца и встал за дерево.

Мимо, о чем-то весело переговариваясь, прошли немцы. Один из них аккуратно притворил за собой калитку и защелкнул крючок. Потом что-то написал мелом на столбе.

Когда фашисты ушли, Алексей Иванович позвал детей в дом. Отец был мрачнее тучи. Юрий не знал, чем он так рассержен: мальчуган еще был захвачен происходящим...

– Из дома нас выгоняют, ироды, – тихо сказал отец. – Пока выкопаем землянку, будем жить на чердаке. Валюшка и Зоя, берите лопаты, а ты, Юрик, тащи из-под терраски кирпичи и доски. Пойдем себе новый дом делать. И ты, мать, давай собирайся!.. Пока не поздно, заведи что есть из продуктов. Вишь, как оно поворачивается... – Отец сокрушенно махнул рукой.

«Выходит, – думал Юрий, – отдай им свой дом, а сам иди жить где придется...»

– Да побыстрее, ребятки, – добавил отец, – сказали: вечером придут на постой.

Захватив в сенях топор и пилу, отец заковылял на террасу.

Весь день они трудились в саду, а вечером тихо поднялись на чердак. Ночью Юрий просыпался, тревожно прислушиваясь к монотонному шелесту дождя, к отрывистым крикам часовых, к шуму и лязгу машин на дороге. Отец стонал во сне, маленький Бориска беспокойно ворочался. Юрий раздумывал обо всем, что видел и слышал.

Впечатлений было много в этот странный день. Только что здесь были наши, и вот теперь фашисты, враги... Все это плохо укладывалось в мальчишеском сознании.

Перед глазами стояло красное, толстошееккое лицо молодого гитлеровского солдата, которого он видел вечером. Тот сидел на крыльце и чистил автомат. Тонкие белые усики его двигались, как у кота, грызущего только что задушенного воробья. Прищурившись голубым глазом, солдат смотрел в черный ствол автомата и снова начинал его чистить тонкой складной металлической палкой, на которую он намотал кусок ваты, вырванной из их одеяла (мать сложила его на сундуке, а Зоя не успела унести на чердак).

Бориска с любопытством наблюдал за ним. Вдруг солдат положил автомат и, строго нахмурив рыжие брови, быстро выбросил вперед руку, вытянув пистолетом указательный палец. «Пиф-паф!» – крикнул он, и испуганный Бориска зажмурился от неожиданности. Юра молча подошел и, взяв брата за руку, увел его в сад. А солдат, посмеиваясь, что-то быстро пролопотал и, достав из кармана кусок сахара, кинул его Бориске. Борька было протянул руку, но Юрий так сильно дернул его в сторону, что брат чуть не упал.

– Не надо нам его сахара. Пойдем, мать сладкой свеклы даст!

И два маленьких человека почти бегом кинулись в мокрые кусты крыжовника, где отец крыл горбылями землянку. «Как собаке кинул, – думал Юрий. – Не надо нам твоего сахара!» Злые слезы навернулись на глаза. Мокрые ветви стегали по лицу. Когда они подошли к отцу, Юрий строго сказал брату:

– Не смей никуда ходить. Давай нам помогай! – И взялся за лопату.

Он ожесточенно рыл мягкую землю, перевитую розовыми корнями ягодника, и бросал ее на бревна до тех пор, пока ладони не покрылись волдырями и отец не сказал, что пора спать. Мать напекла картошки, согрела чаю и дала им по ломтику пареной свеклы. Когда все в доме затихло, они неслышно пробрались на чердак...

Ночью Юрий проснулся. Шел дождь. Перед глазами стояло лицо врага. Веселое, красное от загара. Тонкие усы шевелились, как у сытого кота...

Отец не спал.

– Ты чего возишься? Скоро придут наши. – Он обнял Юрия рукой за худое плечо и, притянув к себе, накрыл одеялом. – Спи. Надо спать.

Непонятное еще чувство страха за младшего братишку овладело всем его существом. Раньше Юрий мог за него заступиться, а теперь он знал, что чужие люди с автоматами были сильнее, чем соседские ребята. Это Юрий почувствовал только сегодня.

...Землянку соорудили быстро. Строили ее наскоро. Отец твердо верил, что наши скоро придут, и долго в ней жить не собирался.

Алексей Иванович строго-настрого запретил ребятишкам выходить из землянки, если рядом немцы, боясь, что солдаты их обидят.

Но однажды, когда в печурке кончились дрова, Юрий вылез наружу и, крадучись, подошел к забору. Вокруг было холодно и сыро. Дров в темноте не сыщешь. Поэтому он решил отломить от забора доску, а потом, уже в землянке, расколоть ее. Ржавые гвозди не поддавались, доска скрипела, но даже удары ногой не могли сломать ее. Пока Юрий с ней возился, он не заметил, как сзади кто-то подошел.

Сильный удар отбросил Юрия в сторону. Он вскрикнул, но не заплакал.

К счастью, подоспела мать, видно, хватившись Юрия.

– Скажи своим щенкам, не подходить к дому! – недовольно буркнул солдат вдогонку Анне Тимофеевне, молча уводившей Юрия в землянку.

На лице у сына была ссадина, но он не плакал: ненависть его пересилила боль и обиду.

А между тем один за другим шли мрачные дни оккупации. Длинными осенними вечерами отец с матерью разговаривали о зверствах фашистов. Об этом доходили слухи из соседних деревень.

Сидя на чурбаке, отец помешивал угли в печурке а тихо, чтобы не разбудить детей, рассказывал:

– В Туманове, слышь, всех молодых гестапо угоняет. Всем, кто работать может, велют явиться, на учет берут. С шестнадцати лет, что ли. На окопы да на картошку, говорят, посылают. А кто постарше, тех и вовсе – в эшелоны и в Германию на работу...

Мать тревожно вслушивалась в его слова, а потом говорила:

– Как бы до Зойки с Валюшкой не добрались. Ведь заметут.

– А ты им скажи, чтобы никуда не показывались. Дома сидели. А Валька пусть у Паши поживет, все одно дом пустует.

– Скажи... Все равно найдут. Знают ведь, что почти взрослые.

То и дело по селу волнами прокатывались обыски. Порою в ночи глухо разносились одиночные выстрелы и короткие автоматные очереди. Ползли зловещие слухи о расстрелянных и повешенных, об угнанных в неволю колхозниках и замученных пленных. Жить стало невыносимо.

...В стародавние времена был у Алексея Гагарина товарищ, сын сельского мельника. Не так чтобы крепко дружили, но играли всегда вместе. И самым любимым местом их игр была ветряная мельница. Крутые скрипучие лестницы уходили в полумрак, затянутый паутиной... Узкие трещины в досках, через них косо бьет золотистый солнечный свет... Они напоминали крепостные бойницы. Когда мельница работала, все внутри скрипело и скрежетало; тогда тут сытно и тепло пахло свежей мукой и машинным маслом.

Словом, лучшего места для игр в деревне не найдешь. Играя, Леша невольно наблюдал за работой мельника. А позже пришлось и самостоятельно на мельнице поработать. Словом, постиг он и это нехитрое ремесло. И вот теперь гитлеровцы проведали об этом. Алексея Ивановича вызвали к коменданту. Разговор был коротким.

– Будешь работать на мельнице, Гагарин!

– Да где же мне работать, я же инвалид, ни к какому делу негодящий! Куда мне мешки таскать? И так еле живой после тифа...

– Мешки будут носить солдаты, ты будешь только молоть. Я лично буду выдавать двадцать литров бензина на день, и без моей записки – никому! Будешь следить за порядком. Случись что – у нас разговор короткий... Ясно?

И повели Алексея Ивановича под конвоем на мельницу. Старую ветрянку оккупанты разрушили. И вместо крыльев приладили привод от автомобильного мотора.

Работы было немного. Но зато теперь легче будет кормить семью. Все же возле зерна, и отруби и мука бывают... И только жгучая злость, бессильная ненависть к врагу не давала ему работать спокойно. Однажды немец-моторист поставил автомат к стенке и пошел в амбар. Алексей Иванович взял оружие, повертел в руках. Сейчас бы дать очередь и бегом... Но куда убежишь? Кто будет кормить семью мал мала меньше? Да и кому он нужен с таким ветхим здоровьем? Партизана из него не получится. Даже до Карманова не добежишь...

Как-то на мельницу пришла хозяйка коменданта, приволокла пшеницу. Льстивым голосом попросила размолоть.

– Где записка от коменданта? – подчеркнуто официально спросил Гагарин.

– Да ладно, Алексей Иванович, принесу потом!

– Принесешь, тогда и будем дело делать! Без приказа – не велено!

– Ах, не велено, шкура большевистская! Ты с кем говоришь? Да я только слово молвлю – в порошок тебя сотрут! Как другим, у кого дети да партизаны, мелешь, а мне так отказ?! Ну, погоди!..

Через полчаса за ним пришли. Толкнули в спину автоматом. Повели на конюшню. Был у фашистов свой палач в Клушине – бывший штурмовик. Писарь указал на лавку.

– Раздевайся и ложись лицом вниз. Десять розг! Учись уважать друзей немецкого народа!

Стиснув зубы от унижения, неуклюже подогнув больную ногу, Алексей Иванович вытянулся на лавке.

Костлявыми коленями писарь больно сжал ему голову. В углу в банной шайке с соленой водой мокли розги. Краем глаза Алексей Иванович видел, как палач, не спеша рассекая воздух, пробуя на изгиб, выбирает самую тонкую и гибкую.

«Тянет время, гад. Ну, ну, куражесь! Все равно наша возьмет! Вам еще не так придется быть битыми. Отрыгнется вам и эта порка!»

Розга, как раскаленный шомпол, обожгла тело. Методично падал удар за ударом:

– Восемь.

– Девять.

– Десять!

Писарь толкнул его к стене:

– Одевайся!

Ни стоны, ни выкрика не вырвалось из плотно стиснутых губ. Наклонив голову у притолоки, Алексей Иванович вышел из конюшни. С облегчением и надеждой посмотрел на хмурое небо. Прислушался. Ему казалось, что где-то далеко-далеко перекачивались громовые раскаты. Снова прислушался. Нет, все тихо...

...Через полтора года добровольца шведа и добродушного усатого немецкого солдата, которые были «еще ничего», как говорил отец, в их доме сменил полный ефрейтор-автомеханик. В сарае он оборудовал мастерскую по зарядке аккумуляторов для машин. Звали его Альбертом. Белобрысый баварец, в пилотке с наушниками и в синей куртке, целыми днями возился в сарае или копался в моторах тупоносых приземистых автомашин, которые теперь часто останавливались у их дома. В первые дни и он казался человеком вежливым и спокойным. Отец даже подумал, что этот мастерской не такой, как все фашисты. Но зимой, вскоре после того, как через их село прошла разбитая эсэсовская дивизия, его словно подменили. Он стал злым, часто его видели пьяным.

Как то Бориска подошел к его мастерской и, остановившись у работающего движка, с интересом присматривался к стучащим и подрагивающим механизмам.

Альберт вынес из сарая аккумулятор. Поставил его на землю и, посмеиваясь, что-то сказал мальчугану. Бориска его не понял. Тогда баварец с улыбкой подошел к нему и быстро схватил за серый вязаный шарфик. Мальчуган вскрикнул, но уже через мгновение был повешен за шарфик на яблоневый сук.

Юрий услышал крик и подбежал к дереву. Фашист стоял, широко расставив ноги, и заливался от смеха. Он что-то говорил и показывал рукой на Бориску. Мальчонка уже не плакал, а хрипел. Лицо его побледнело, глаза выкатились. Он дергался, пытаясь освободиться, но туго завязанный шарф затягивался все сильнее.

Юрий остолбенел. Кровь отхлынула от лица. Он прыгнул к гитлеровцу и зубами вцепился ему в руку. Черной тенью мелькнула фигура матери, бросившейся прямо к дереву. Альберт отшвырнул Юрия и загородил ей дорогу. Затем стиснул за плечи и начал дико пританцовывать. Мать резко рванулась, порвала рукав ватника. В это время офицер, соскочивший с только что подъехавшей машины, окликнул Альберта. Тот отпустил мать и побежал навстречу офицеру. Пока офицер что-то говорил Альберту, мать сняла Бориса с сука и начала быстро развязывать ему шарф, расстегивать пуговицы пальто. Затем схватила его в охапку и потащила к землянке. Юрий побежал следом. На глаза навертывались слезы обиды. Но Юра не заплакал. Он чувствовал лишь непонятную дрожь во всем теле и до боли сжимал кулаки. Он не мог вымолвить ни слова и успокоился только тогда, когда Бориска, грустно улыбнувшись, заснул на лавке...

Так в сердце Юры Гагарина поселилась ненависть к врагам.

Теперь все чаще и чаще приходила мысль бежать на фронт, украсть у фашистов автомат или карабин и бить их наповал. Он даже начал обдумывать, как лучше осуществить свой план, но ни Альберт, ни его помощники не оставляли оружия без присмотра, и Юрию никак не удавалось выполнить то, что он задумал. Ребятишки рассказывали ему, что где-то недалеко,

в смоленских лесах, воюют партизаны во главе с Дедушкой, что порой они портят фашистам машины. И Юрий, не говоря никому ни слова, тоже решил мстить врагу.

Как-то отец застал его за странным занятием. Юрий орудовал молотком и клещами, выгибая до неузнаваемости новые вершковы гвозди, купленные весной в магазине. Юрий сперва изгибал гвоздь под острым углом, а затем еще два раза сгибал острый конец, но теперь уже в другую сторону. Получалось своеобразное шило на треугольном основании. Отец не сразу сообразил, для чего Юрий переводит добро. Только позже Алексей Иванович догадался, что если на накатанное шоссе положить такую штуку, то она наверняка проколет и покрышку и камеру... Он усмехнулся, но ничего не сказал сыну.

В сумерках Юрий уходил на шоссе подальше от дома и разбрасывал свои гвозди. А иногда, когда не было поблизости гитлеровцев, он выбрасывал на дорогу бутылки, которые солдаты после очередной попойки аккуратным рядком ставили на террасе. Бросал он их не очень сильно, так, чтобы непременно оставались целыми и доньшко и горлышко. Затем выходил на дорогу и на ходу небрежно ногой перевортывал осколки острым краем кверху. А потом часами из кустов наблюдал за дорогой. И когда машина, проносясь на большой скорости, прокалывала камеру, довольный уходил домой.

* * *

...С каждым днем над деревней все чаще и чаще проносились самолеты с красными звездами на крыльях. Тогда где-то за лесом у моста начинали отрывисто лаять зенитки, а затем глухо ухали взрывы. Юрий радовался: врет Альберт – жива Москва. Не разбита Красная Армия. Скоро она вернется на Смоленщину!

Однажды самолеты прошли над самой деревней, и утром Юра во дворе нашел листовку. На ней была картинка: ворон сидит на груде черепов, и морда у него, как у Гитлера, с челкой. Под картинкой написаны какие-то слова. Зоя прочла листовку и сказала, что фашистская армия разбита на Волге. Триста тысяч человек взято в плен. Это была первая радостная весточка с Большой земли. Отец аккуратно сложил листовку и сунул ее в печку. Никогда еще за все эти долгие месяцы Юрий не видел его таким радостным. В тот вечер отец часто улыбался, вспоминая разные смешные истории. И хотя боялись люди откровенно разговаривать о делах на фронте, нет-нет да и услышит Юрий слово «наши». Он видел, как при этом светились радостью исхудавшие, потемневшие от голода лица, распрямлялись плечи.

Через день фашисты собрали митинг, вывесили в селе траурные флаги. Значит, верно: здорово им дали!

Теперь все чаще и чаще доходили вести о том, что началось наступление и под Москвой. И все знали: скоро, очень скоро придут наши!

Но в эти дни, когда освобождение казалось таким близким, в деревню прибыл отряд эсэсовцев. В своей черной форме они напоминали зловещих воронов. «Транзитные» немцы, как тут говорили о полевых частях, не внушали таких опасений, как эти захребетники.

Ощущение чего-то особенно недоброго и неотвратимого поселилось в Клушине.

И мать и отец строго настроено наказывали ребятам днем не выходить из землянки. И все-таки фашисты вспомнили о Зое и Валентине. Их забрали и, подталкивая прикладами, потащили в комендатуру. Немного обождав, Юрий побежал следом.

Алексей Иванович Гагарин, отец Ю. А. Гагарина

В центре села собралось много молодежи. По краям площади стояли эсэсовцы с овчарками и солдаты с автоматами на груди. Наконец, всех построили в колонну по четыре человека в ряд, сделали перекичку и повели за околицу. Женщины заплакали. Душераздирающие крики слышались вокруг. Рыдала и мать, глядя вслед детям, а затем, не выдержав, бросилась вдогонку. Юра видел, как фашист оттолкнул ее и она, едва не упав, остановилась, закрыв лицо платком.

Стиснув зубы, Юрий молча глядел вслед удаляющейся колонне, а потом подошел к матери, прильнул к ней лицом, потащил ее за рукав домой. Дома, чтобы утешить жену, отец говорил, что ребята скоро вернуться, а Юрий уже твердо знал – из неволи нет возврата. И все-таки где-то в самой глубине его души теплилась надежда, что он их снова увидит...

А жизнь шла своим чередом. Однажды в дом постучалась нищенка. Анна Тимофеевна, зачем-то зашедшая сюда, насыпала ей две горсти муки, дала пару картофелин.

Альберт это увидел.

– Зачем даешь? Это русиш шпион! – И щелкнул предохранителем автомата.

Дверь захлопнулась.

«Зверь, истинный зверь!» – подумала Анна Тимофеевна, спускаясь с крыльца.

...Как-то ночью, когда Юра уже дремал, в землянку тихо вошли два человека в белых полушубках с тускло поблескивающими автоматами на груди. Автоматы были не такие, как у фашистов, а с круглыми дисками. Люди о чем-то шепотом поговорили с отцом и так же неслышно, как и вошли, исчезли.

Утром отец тихо и как бы между прочим спросил: видел ли Юрий что-нибудь ночью?

Юрий сознался, что видел.

– Наши были, разведчики. Были и сплыли. Как во сне. Ты смотри, об этом никому не говори. Понял?

Да, Юра понял! Понял, что ему, возможно, впервые доверена большая тайна. И от сознания этого было необыкновенно радостно. Он молчал, хотя так хотелось всем рассказать – особенно друзьям ребятишкам, – что это были наши, что Красная Армия совсем рядом!

И действительно, наутро стала отчетливо слышна близкая канонада. В тот день на запад все чаще строем шли наши самолеты, перерезая бомбовыми ударами коммуникации в тылу врага. Где-то рядом слышалась стрельба. Партизаны были в Карманове и в лесах за городом. Поэтому активные бои прошли километрах в шести от безлесного Клушина. Только недалеко от них, километрах в четырех, гитлеровцы заминировали домик в лесу. При наступлении там взорвалось несколько человек.

Вечером Альберт погрузил на приземистую грузовую машину лежавший у сарая тес, купленный Гагариными в самый канун войны, запер двери дома и сказал вместо прощания:

– Унзере хаузе – фу-фу!

Но облить дом бензином и поджечь он не успел. Подошли другие машины, и фашисты уехали.

Ночью вновь у дома остановилась серая тупорылая машина. Возле старой березы вражеские саперы сложили плоские мины, похожие на зеленые миски. В доме поставили телефон и ушли на дорогу. К Гагариным зашли соседи. Они были сильно встревожены.

– Как бы не стали жечь. Вон вокруг все полыхает... Давайте уж держаться вместе! Мы у вас пока посидим.

Заварили морковного чаю.

Бледные с мороза, в дом снова вошли саперы.

– Чаю!

Теперь они по-хозяйски осмотрели все углы. На кровати за занавеской увидели Алексея Ивановича. Он болел, давно уже не вставал и оброс черной бородой.

– Партизанен?!

– Что вы, что вы! Это хозяин!

Напились чаю, забрали телефон и опять ушли на дорогу. В 12 часов из-за плетня раздались три одиночных выстрела.

– Сообщают своим, что кончили минировать. Значит, если снова сейчас не придут, – все. Пойди, Нюра, посмотри, что они там?

Анна Тимофеевна приоткрыла дверь на крыльцо и увидела, как на дороге зашуршала по насту, воровато скрываясь в ночи, машина...

В ту ночь так и не ложились спать. Лампы не зажигали. Сидели молча, изредка перебрасываясь короткими фразами. Часа в четыре отец слез с кровати, взял из сеней фанеру и крупными буквами велел написать: «Держите правее. На дороге мины».

Утром с этой дощечкой он вышел встречать наших. Юрий видел, как, остановившись у самого их дома, рослый полковник в каракулевой папахе крепко обнял и расцеловал отца.

А затем по дороге мимо их дома хлынул поток войск. Шли танки, каких Юрий еще никогда не видел, автомашины с затынутыми брезентом плоскими рамами, все их почему то называли «катюшами», колонны солдат...

* * *

После ухода гитлеровцев во всем Клушине осталась одна корова, один петух и пять кур. Петуха, как святыню, носили по всей деревне от избы и до избы. Однако куры все равно не неслись, видно, петуха сильно напугали военные действия...

Ни лошадей, ни машин, ни тракторов в селе теперь не было. Женщины пахали «на себе». И семена в поле, и товар в магазин, и солому, и бревна – все возили, впрягшись в телегу либо в сани.

И все же война схлынула со Смоленщины! Как трава зелеными стрелками пробивается из – под жухлой листвы, как деревце, разламывая асфальт, топорщится, раскрывая почки навстречу свету, так и жизнь на древней русской земле возрождалась, побеждала, брала свое. Люди вылезали из землянок. Резали автогенном сгоревшие танки. Убирали из лесов мины. Закапывали блиндажи. Рубили срубы. Посылали ребятишек в школы...

Юрий заметно вытянулся за два трудных года. Он повзрослел, недетская серьезность порою проглядывала во взгляде. Он даже немного научился читать и с большой охотой снова пошел в школу. А в школе жизнь была совсем не такая, как до войны. Теперь тут, в их классе, было всего две книжки, маленьких, но пухлых – «Устав гарнизонной службы» и «Боевой устав пехоты». Других учебных пособий пока не имелось. Считая, складывали не палочки, а пустые винтовочные гильзы, которых ребятишки по первому зову учительницы натащили видимо невидимо.

Любимой Юриной тетрадкой был блокнот, сшитый матерью из разрозненных листков и из обрезков обоев. Мать Юрия была для него живым воплощением бесконечной житейской мудрости, доброты, спокойствия, существом в высшей степени совершенным и трудолюбивым, поэтому все, что делала она для него, всегда приносило ему тайную радость, как и этот блокнот.

Два класса занимались в одной комнате. В первую смену – первый с третьим; во вторую – второй с четвертым. Нечем было писать, порою нечего было и поест. Но все эти беды мало волновали ребятишек. Во всяком случае, учились они старательно.

...Алексея Ивановича призвали в армию и отправили в Гжатск, где он состоял в охране танкового полка. Но вскоре Гагарина положили в госпиталь: неожиданно-негаданно у него обнаружили язву желудка. Поправившись, он так и остался работать в госпитале. Теперь они жили втроем: Юра, мать и Борис.

В это время в село вернулись ребята, которым удалось бежать из неволи. Они рассказывали, что Валентин и Зоя тоже спаслись и служат в Советской Армии. А вскоре в Клушино

пришло письмо от Валентина. Он писал, что стал танкистом. А затем – маленький треугольничек от Зои. Она сообщала: «Сражаюсь в кавалерийских частях. С боями продвигаемся на запад».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.